

УДК947.808.4

И.И. Янушевич*канд. ист. наук, доц., зам. декана факультета социокультурных коммуникаций
Белорусского государственного университета***АНТИЦЕРКОВНЫЕ КАМПАНИИ КАК ФОРМА ПРОВЕДЕНИЯ
АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (1917–1930-е гг.)**

В программных документах пришедшей в ноябре 1917 г. к власти Российской социал-демократической рабочей партии борьба с религией и церковью определялась как неизбежное явление в социалистическом государстве. Официально провозглашенная свобода совести на практике сводилась к возможности свободного проведения антирелигиозной пропаганды. Формы и методы работы зависели от общественно-политической ситуации в регионе. Информационное воздействие дополнялось мерами административного характера со стороны органов управления и силовых структур. Содержание антирелигиозных мероприятий носило «разоблачающий», клеветнический характер как в виде резких кампаний, так и системной работы по созданию невыносимых условий для жизни и профессиональной деятельности священнослужителей.

Введение

Государственно-церковные отношения в Российской империи представляли собой сложнейшую систему, главным регулятором которой выступала официальная власть. Однако уже со второй половины XIX ст. и особенно в начале XX ст. реализуемая по отношению к религиозным организациям политика не соответствовала вызовам времени. Очевидные просчеты в определении приоритетов духовно-нравственного развития общества наряду с внутри- и внешнеполитическими проблемами привели в ноябре 1917 г. к власти в Российской империи политическую силу, считавшую религию и церковь вредными и даже опасными институтами в процессе анонсированного построения социалистического государства. Принято считать, что идеологической основой стал материализм или, как потом была названа его высшая форма, «научный атеизм». Практика показала, что при непосредственном продвижении безбожья в массы требовалось нечто более понятное и доступное потенциальным объектам «переделки на атеистические рельсы». Наиболее знаковыми и эффективными способами борьбы с религиозностью граждан ответственные за распространение атеизма работники считали «разоблачительную» кампанию по вскрытию мощей и публичное отречение священнослужителей от сана.

Кампания по вскрытию мощей

Подвести обоснование под предполагаемый процесс обезбоживания населения антирелигиозникам предстояло в условиях сложнейшей трансформации народно-хозяйственного комплекса и поиска оптимальной модели государственного строительства в соответствии с выдвигаемыми партией большевиков лозунгами. На высшем партийном уровне регулярно принимались постановления, требующие «осторожного отношения к религиозным предрассудкам» населения. В.И. Ленин призывал «не допускать оскорбления религиозных чувств верующих», однако на практике он же или его ближайшие соратники санкционировали мероприятия по максимально возможному уничтожению «реакционного духовенства», изданию явно клеветнических печатных работ и проведению агрессивных антирелигиозных кампаний [1, с. 34; 2, л. 3–4; 3, л. 16–17].

Одной из них в 1919 г. стала широкомасштабная операция по уничтожению мощей святых праведников. Следует отметить, что «разоблачения» начались еще в 1918 г. и не совсем удачно. Объявленная в прессе информация об обнаружении соответствующей комиссией вместо останков Александра Свирского восковой куклы не была под-

тверждена местным священником, через несколько дней расстрелянным [4, с. 70]. Вскрытие мощей В.И. Ленин рассматривал как эффективный пропагандистский ход: «Показать, какие именно были “святости” в этих богатых раках и к чему так много веков с благоговением относился народ, этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч людей» [5, с. 122]. Он же потребовал «проследить и проверить, чтобы поскорее показали» кино о вскрытии мощей Сергия Радонежского в Чудовом монастыре Московского кремля [6, с. 279].

Следовало организовать и информационно-пропагандистское сопровождение в виде резолюций с мест, «раскрывающих многовековой обман церковников»: «Да погибнут темные силы, оскверняющие дело пролетариата! Да здравствует наука и просвещение на пользу светлого будущего человечества!» [7, л. 16–17]. Обоснование необходимости «полной ликвидации мощей, опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий» нашло свое отражение в Постановлении Народного комиссариата юстиции от 25 августа 1920 г. «О ликвидации мощей» [8, с. 75]. Крайняя озабоченность Наркомата юстиции в данном документе психическим и нравственным здоровьем граждан не выдерживает никакой критики. Стремление к манипулированию взглядами населения наталкивалось на полное несоответствие с реальной действительностью. Верующий и по советским законам имел право выбора поклоняться мощам или нет, ставить свечку или не ставить [9, с. 172]. Ни у кого не было права и запретить это. В письме патриарха Тихона председателю ВЦИК М.И. Калинину от 9 августа 1920 г. говорится о кампании как о «неприкрытом вмешательстве государства во внутренние дела Церкви»: «Мощи, канонизация, восковые свечи – все это предметы культа. И ныне ради попираемой идеи свободной совести приходится взывать к власти имущим в РСФСР, как обратился когда-то Донат к Константину Великому со словами: “Какое дело государству (особенно атеистическому) до Церкви?”» [9, с. 170].

Другой вопрос, что властей больше интересовало поступление средств от паломников, жертвователей, прихожан. Получение денег путем сборов, продажи свечей, масла, воды было естественным для религиозных организаций, как и для всех любых, с целью выполнения своих уставных задач. Кампания эта должна была носить «глубокий пропагандистский подтекст». Комиссары, поверхностно разбираясь в культе почитания мощей угодников Божьих, надеялись с помощью «развеивания мифа о нетленности останков» показать их земное происхождение и тем самым скомпрометировать Церковь. Отсутствие нетленности мощей должно было расставить все точки над «і» в этом вопросе. Подобная уловка не несла в себе предполагаемой смысловой нагрузки по причине того, что культ мощей рассматривался верующими не только как материальная сохранность останков тела, а и как явление духовное. Редкий приход обладал мощами или чудотворной иконой (в основном монастыри). В подавляющем большинстве храмов имелись только ковчеги-мощевики или частички останков святых. Оценка эффективности ответственными антирелигиозниками подобной акции в борьбе с верой людей в сверхъестественные силы вряд ли совпадала с действительностью. Известных общепочитаемых святых было не так уж и много. В условиях жесточайшего идеологического пресинга священнослужители не могли полноценно организовать церковную жизнь в плане того же произношения проповедей и рассказах о житиях святых. С течением времени воцерковленных православных верующих становилось все меньше. В БССР, например, было большое количество инославных, и так считавших православную догматику и культовую практику обманом.

Еще больший вред распространению атеизма вскрытие мощей принесло в плане появления новых легенд, мистических явлений. Народная молва, передавая зачастую абсолютно фантастические рассказы, в условиях противостояния безбожной власти

по всем позициям превосходила антирелигиозную пропаганду, создавая почву для нетрадиционной религиозности. Часто верующие не были убеждены, что останки, показанные при вскрытии захоронений, являлись подлинными, а не были заменены большими или заранее подменены монахами, священниками или прихожанами для предотвращения осквернения [10, с. 58, 61]. Тем более на местах и сама процедура, и подготовительные работы проводились с нарушениями указаний центральных органов власти, нацеливавших и на получение пропагандистского эффекта, а не только ликвидацию «очага мракобесия» [11, л. 17]. Многие вскрытия проводились в вульгарной, оскорбительной для верующих форме с применением насилия, мер устрашения и надругания над останками [12, л. 6–8; 13, л. 391].

Непосредственно на территории Беларуси наибольший интерес властей вызвали мощи православных святых Евфросинии Полоцкой, Софии Слуцкой, младенца Гавриила и католического Андрея Баболи. Мощи преподобной Евфросинии были вскрыты дважды. Первый раз в Ростове, куда они были вывезены в эвакуацию и могли быть уничтожены местными богоборцами [14, л. 280]. Повторное осквернение мощей преподобной произошло уже в Полоцке 13 мая 1922 г. в разгар очередного наступления властей на религиозные организации в связи с проведением кампании по изъятию церковных ценностей по «требованию трудящихся» под предлогом якобы имевшихся в раке преподобной драгоценностей [15, л. 72]. Комиссия по вскрытию мощей пришла к выводу, что труп «мумифицировался вследствие благоприятных почвенных условий» [15, л. 72]. Важным посчитали в заключении мнение археолога Дейниса, указавшего, «что труп плохо сохранился, так как он видал и более хорошо сохранившееся мумии египетского происхождения» [15, л. 72]. «Разоблаченные» мощи были выставлены для всеобщего осмотра с целью антирелигиозной пропаганды, а 21 мая 1922 г. были увезены в Витебск для организации антирелигиозной экспозиции губернского историко-археологического музея [16, л. 288]. Между тем, несмотря на изъятие мощей, креста преподобной и закрытия самой обители ситуация с распространением атеизма и организацией безбожной работы в Полоцком районе была худшей среди регионов БССР [17, л. 6]. Судьба святых останков преподобной Евфросинии оказалась схожа с судьбой большинства мощей иных святых: они выставлялись для всеобщего обозрения в различных музеях рядом с экспонатами бытовой и хозяйственной принадлежности. Попытка вернуть их верующим не удалась даже поддерживаемым властями обновленцам [18, л. 14об.].

«По желанию рабочих и красноармейцев» 23 июня 1922 г. были вскрыты мощи Андрея Баболи [19, л. 16, 55]. Этот акт носил серьезный международный характер. Папский престол и правительство Польши стремились вывести святыню из Советского государства, руководство которого было не против этого, однако с условием получения неких дивидендов [19, л. 33]. В 1924 г. мощи были переданы представителям Ватикана, и через некоторое время состоялось их дальнейшее прославление, после чего их обрели верующие Польши.

Для властей вопрос, что делать с мощами, был неоднозначным. Циркуляр Отдела управления НКВД от 23 апреля 1919 г. «наиболее желательным» считал их доставку в музеи или иные публичные места для всеобщего обозрения, хотя допускалось и оставление их либо в «прежнем», либо в «новом виде» на старых местах [10, с. 59]. Предложения того же ведомства от 29 июля 1920 г. требовали их обязательной ликвидации путем передачи в музей или захоронения [10, с. 59]. В постановлении от 25 августа 1920 г. единственным способом уже указывается передача в музей [8, с. 75]. В постановлении СНК РСФСР от 29 июля 1920 г. указывалось на необходимость уголовного преследования «в случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты как со стороны отдельных жителей культа, так равно и организаций бывших исповедных ведомств» [10, с. 60].

Подобное давление и надругательство над мощами и религиозными чувствами верующих вызывали возмущение людей и противоречили советскому законодательству и постановлениям СНК и самой Конституции. Православные верующие по-своему отвечали на действия власти: к 1920 г. наметился общерелигиозный подъем в массах – храмы наполнялись молящимися.

Для верующих уже само вскрытие мошей было кощунством, а предполагаемое их уничтожение за ненужностью могло значительно усилить и радикализовать ряды антиправительственных сил. По стране поднималось немалое волнение по данному поводу в придачу к имевшим место в начале 1920-х гг. массовым восстаниям по всей стране [21, л. 7]. Высшее партийное руководство через Народный комиссариат юстиции в апреле 1921 г. обвинил местные органы в плохой организации антирелигиозной кампании. Указал на необходимость широкой предварительной агитационной работы, «чтобы смысл советского мероприятия был вполне понятен широким трудовым массам» [10, с. 61]. (Как будто наверху не знали настроения граждан). Получить молчаливое согласие хоть какой-то значимой части населения на столь кощунственную акцию иначе как провокацией назвать невозможно. Это уже был не 1917 или 1918 год, когда секуляризационные настроения вселяли оптимизм в безбожников. Воинственность главных антирелигиозников, жалевших о том, что не все мощи были осквернены и уничтожены после 1922 г., стали уже не актуальны. Но 21 февраля 1930 г. комиссия в присутствии епископа Слуцкого Николая (Шеметило) «совершила осмотр» мошей младенца Гавриила Белостокского и святой Софии, княгини Слуцкой. После вскрытия мощи были доставлены в Минск [20, с. 138–139]. Не принеся антирелигиозникам быстрых дивидендов кавалерийская атака сменилась длительным периодом клеветы, «разоблачений» и осмеяния, безусловно, сыгравших на руку безбожиию.

Снятие священнослужителями сана

Еще одной причиной, по которой верующие должны были отказаться от веры и церкви, были так называемые «расстриги», когда священнослужители публично заявляли о снятии с себя сана. Собственно ничего удивительного в этом не было. До революции сословность вынуждала многих, в том числе и неверующих «поповичей» идти по стопам родителя. Революционными и радикальными политическими идеями были проникнуты даже некоторые монахи, не говоря уже о семинаристах. Многие становились клириками по чисто меркантильным и карьерным соображениям.

Коренным образом изменилась ситуация после 1917 г. Часть церковнослужителей, не по вере принявших сан, сразу же перешли на гражданскую службу. Наиболее ярким и омерзительным примером этому являлся петроградский священник М. Галкин: сняв с себя сан, он примкнул к наиболее радикальным безбожникам во главе с Л.Д. Троцким, а из-под его пера вышли десятки пасквилей. Но оставшиеся верными обетам пастыри в большинстве своем в отличие от дореволюционных казенных требников являлись для населения духовными, да и политическими авторитетами, которых партийным и государственным структурам необходимо было изолировать от общества.

Физическое уничтожение и заключения под стражу были допустимы не всегда, а добровольное снятие сана имело и пропагандистский эффект. Священнослужители и члены их семей в условиях советской власти подвергались самым жестким гонениям и ущемлениям со всех сторон. Они были первыми, кто привлечение к «революционной ответственности». Священнослужители и члены их семей подвергались значительным ущемлениям семейно-бытового характера: невозможность трудоустройства для получения средств к существованию; невозможность дать образование детям; стеснение по жилищным вопросам; непомерное налогообложение [22, л. 210]. Они находились под постоянным контролем и давлением ВЧК – ГПУ – НКВД. Законодательство гаран-

тировало снятие этих ограничений в случае отказа от сана при условии публичного отречения [23, л. 3–4].

На верующих это должно было, по мнению антирелигиозников, произвести впечатление по нескольким причинам. Во-первых, священнослужитель должен был заявить о том, что религия – это обман, что он все время обманывал верующих, что Бога нет, что это выдумка. Во-вторых, раз Бога нет, то и церковь не нужна, а клирики на самом деле есть просто враги советской власти, главной целью которых является одурманивание темных масс и получение экономических дивидендов. Безусловно, подобные действия не вызвали положительной реакции верующего населения: пастырь все-таки являлся неким нравственным идеалом. И здесь стоит учитывать моральные характеристики отрекшихся от сана: пользовались ли они авторитетом, не были ли они чрезмерно сребролюбивы, добросовестно ли исполняли свои обязанности да и были ли они действительными священниками, а не изгнанными или не принятыми верующими [24, л. 459]. Отсутствие действенной церковной власти, стесненные обстоятельства, страх расправы оказывали влияние и на дисциплинированность, и на профессионализм, и на порядочность служителей культа. При сомне новомученников отошедших от служения по разным причинам тоже было достаточно. Отречение подобного «пастыря» верующим зачастую толковалось так, «что у Бога могут быть плохие попы, как и в компартии бывают примазавшиеся» [25, л. 167]. Расстриги, безусловно, подрывали авторитет религиозных организаций в какой-то конкретной местности или в глазах неофитов, но на значительное количество населения произвести впечатление не могли. Раскрытие «обмана» человеком, обманывавшим своих братьев по вере, внешне эффективный, но вряд ли действенный способ распространения атеистического мировоззрения.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает, что рассмотренным антирелигиозным кампаниям придавался статус значимых государственных мероприятий. Декларируемая деятельность по распространению атеизма не представлялась партийным и государственным работникам возможной без усилий всех официальных структур. Административное давление на религиозные организации и священнослужителей дополнялось массированным информационным сопровождением, целью которого было «разоблачение обмана поповщины». Вскрытие мощей задумывалось акцией публичной демонстрации обмана церкви как института, а попы-расстриги показывали священника как лжеца и дармоеда. Таким образом, две наиболее чувствительные стороны жизни верующего человека должны были демонстрировать безосновательность сохранения советским гражданином прежнего отношения к религии. Ожидаемые антирелигиозными деятелями от проведения данных кампаний результаты в указанный период были необоснованно завышены, но принесли свой основной плод в деле распространения безбожия в последующие десятилетия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов, В. В. Генералиссимус : ист.-док. изд. : в 2 кн. / В. В. Карпов. – М. : Вече, 2004. – Кн. 1. – 464 с.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947.
3. РГАСПИ. – Ф. 5. Оп. 2. Д. 48.
4. Кашеваров, А. Н. Православная российская церковь и советское государство (1917–1922) / А. Н. Кашеваров. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 437 с.

5. Бонч-Бруевич, В. Д. Воспоминания о Ленине / В. Д. Бонч-Бруевич. – М. : Наука, 1969. – 518 с.
6. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1969. – Т. 50. – 633 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А353. Оп. 2. Д. 691.
8. Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и док. – М. : Юрид. лит., 1971. – 336 с.
9. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. – М. : Изд-во Православного Св.-Тихон. богосл. ин-та, 1994. – 1063 с.
10. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во Библиейско-Богосл. ин-та св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
11. ГАРФ. – Ф. А353. Оп. 5. Д. 240.
12. ГАРФ. – Ф. 130. Оп. 1. Д. 211.
13. ГАРФ. – Ф. А353. Оп. 4. Д. 391.
14. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1821. Оп. 1. Д. 425.
15. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91.
16. ГАВО. – Ф. 1947. Оп. 1. Д. 43.
17. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 1. Д. 107.
18. ГАРФ. – Ф. А353. Оп. 6. Д. 17.
19. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 13.
20. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / Ф. Кривонос. – Минск : МФЦП, 2007. – 239 с.
21. Государственный архив Гомельской области (ГАГО) – Ф. 161. Оп. 1. Д. 21.
22. ГАРФ. – Ф. 5263. Оп. 1. Д. 63.
23. ГАРФ. – Ф. 5407. Оп. 2. Д. 39.
24. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1104.
25. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 7. Д. 760.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 22.04.2016

Yanushevich I.I. The Anticlerical Companies as a Form of Antireligious Work in the Soviet Union (1917–1930s)

In the official documents of the Russian Social-Democratic Labour Party, which came to power in November 1917, the struggle against religion and church was defined as an inevitable phenomenon in a socialist state. Officially proclaimed freedom of conscience practically gave the possibility of anti-religious propaganda. The forms and the methods of the work depended on the socio-political situation in the region. Informational reaction was supplemented by the measures of an administrative work on the part of government and security agencies. The anti-religious subject of the events was such kind of «revelation» and slender in the form of sharp meetings and constant work to create intolerable conditions for life and professional activity of clergymen.